

*Я недавно коробку сардинок открыл.
В ней лежал человек и мирно курил.
«Ну, а где же сардинки?» – спросил его я.
Он ответил: «Они в полноте бытия...»*

И. Чиннов²

*... А если грязь и низость только мука
По где-то там сияющей красе.*

И. Анненский

Прежде всего, об одном наступившем юбилее, о котором сегодня мало кто вспомнит. Сорок лет назад, в 1979 г., на Международном симпозиуме по художественному переводу, который проходил в Мэрилендском университете, были заявлены два вечера, посвящённые русской поэзии. Ежедневная иммигрантская газета «Новое русское слово» писала, что их «правильнее назвать творческими вечерами двух выдающихся поэтов русского зарубежья – Иосифа Бродского и Игоря Чиннова». В комплементарной статье было особо отмечено, что оба поэта, как бы соревнуясь, по очереди читали свои стихи.

Понятно, что для 39-летнего Бродского такое выступление казалось закономерным, знаковым и логичным. Чиннов, получивший напутствие от Георгия Иванова, открытый им ещё в начале 1930-х гг. в Риге и введённый затем в литературную элиту послевоенного «русского» Парижа, признавался рядом критиков «первым поэтом русской эмиграции» после смерти Иванова. А учитывая, что творческую генеалогию Чиннова литературоведы ведут от Иннокентия Анненского, можно сказать, что второго такого явления в русской поэзии не было. Без преувеличения, Игорь Чиннов – уникальный случай в национальной словесности, связующее звено между Серебряным веком и современностью – через первую волну эмиграции и знаменитую «парижскую ноту». Для Бродского связь с Серебряным

² Здесь и далее – стихотворения И. Чиннова по изданию: Собрание сочинений в двух томах. Игорь Чиннов. М., изд-во «Согласие», 2000.

вском благодаря Анне Ахматовой естественным образом продолжилась в Америке встречей и выступлением с Чинновым.

Вечер же в Мэрилендском университете для 70-летнего Чиннова был очевиден в ряду его лингвистических поисков и поэтических экспериментов последних, к тому времени, лет двадцати пяти. Дело в том, что творческая энергия поэтов первой эмигрантской волны иссякла вскоре после завершения Второй Мировой войны, а коллеги по цеху из послевоенной – второй – волны (Перелешин, Моршен, Елагин) были, в известной степени, носителями советской культуры и в эстетическом плане немногим отличались от поэтики соцреализма. «Несоветский» в разных смыслах Иосиф Бродский, да ещё с его онтологическим ощущением трагизма и вселенской скорби, не мог не стать для Чиннова неким ориентиром, пусть и неартикулированным, в среде тех, кого принято называть продолжателями традиций или, проще говоря, литературными потомками. Разница в возрасте – 31 год – устраивала обоих.

Тот же Валерий Перелешин называл Чиннова «самым трагическим поэтом нашего времени». Не грустным, не печальным и не мрачным. Пожалуй, в русской поэзии только Иннокентий Анненский так близко подошел к двери в загробный мир и взглядом насквозь проник в ледяной ужас, в безмолвие космической трагедии.

И, конечно, Бродский.

Им было, чем поделиться друг с другом на поэтическом вечере, тем более, что для переключки двух поэтов экзистенциальная тяга каждого к барокко, из которого, в его английской ткани, вышел Бродский, и в котором, отойдя от «парижской ноты», существовал Чиннов, стала их «общим местом». Бродского, в доэмигрантский период, барочность письма далеко увела от советской литературы, а Чиннову, с его пышными эпитетами, искусными метафорами, эхом анафор, анжамбеманами и поэтикой контрапункта, дала возможность предвосхитить появление «метареалистов-метаметафористов» и поэтов необарокко 1980-90-х годов (Д. Бобышева, В. Аристова, И. Жданова, Е. Шварц, А. Еременко, А. Парщикова и др.).

Лошади впадают в Каспийское море.

Более или менее впадают, и, значит,

Овцы сыты, а волки – едят Волгу и сено.

О, гармония Логоса! И как же иначе?

Серый волк на Иване-царевиче скачет

(по-сибирски снежок серебрится),

и море,

которому пьяные по колено,

зажигает большую синицу

в честь этой победы Человека.

Человек – это гордо!..

Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой, / Мы жили тогда на планете другой.¹

«Родился я давно – в 1909 году, 25 сентября, в Туккуме в семье юриста. Туккума не помню, но ясно вижу городки, балтийские, в которых случилось жить: уютнейшую Митава (ныне Елгава) – «Покойся, мирная Митава», – писал Мих. Кузмин. И Юрьев, теперешний Тарту, с университетом «дней Александровых» и готическими руинами на горе, аккуратнейший, тихий городок. Позже была Рязань, с незабываемой зимой...»²

Хронологическая плотность в одном абзаце для мемуарного жанра фантастическая. Туккум, равно как Митава и Юрьев – это дореволюционное детство. Отец поэта Владимир Чиннов, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, служил в Рижском окружном суде, следователем в Митаве, Бауске, а с 1906 г. в Туккуме.

Чиннов помнил революцию: «Толпы ходили по городу с красными бантами и пели: «Вышли мы все из наро-о-да...». Но радости ни у кого не было». Не было радости и в доме Чинновых. В первые же революционные дни стало ясно, что «судью-расследователя» и присяжного поверенного Владимира Чиннова большевики, если поймают, без суда приговорят к расстрелу за его непролетарское прошлое. А жену его поставят к стенке, поскольку Александра Дмитриевна фон Цвейберг (фон Цвегберг) была потомственной дворянкой, и небогатый дворянский род её украшали имена Якубовичей, декабриста Александра и разночинца Петра.

В Гражданскую войну семья Чинновых добирается до Рязани, уходит с Белой Армией на юг России, в Ставрополь. Там родители заболевают тифом, а маленький Ирик, как его звали дома, встречает Новый год в пустом здании суда и вспоминает, как наутро дворничиха подарила ему, голодному и всеми забытому, морковку. С тех пор поселился в нём страх перед одиночеством и большевиками. Возможно, поэтому свою первую книгу, вышедшую в Париже в 1950 г., Чиннов назовёт «Монолог». Как охарактеризовал её Владимир Вейдле – критик, культуролог и, говоря современным языком, широко эрудированный человек: монолог приговорённого к смерти. В рифму это звучит так: «Далёкий лёд, далёкий дымный день. / Над миром облако висело. / И фосфор жёг сердца людей. // Бежали тени. В небе гналась тень. / На дереве висело тело. / И мать вела чужих детей...».

Не сумев эвакуироваться с белогвардейцами, Чинновы возвращаются в Ригу. В Латвийскую буржуазную, с 11 августа 1920 г., республику, то есть для семьи Чинновых – место теперь безопасное.

¹ Из стихотворения Георгия Иванова «Над розовым морем вставала луна...».

² Вместо предисловия. О себе. Собрание сочинений, Игорь Чиннов. В 2 т. Т. 2.

Наступает жизнь – буржуазная и нищенская. Мать продаёт цветы на рынке; отец, вплоть до своей кончины в 1935 г., не может найти достойно оплачиваемой адвокатской работы, разрываясь между Ригой, Екабпилсом и Митавой.

Первый класс Ирик закончил ещё в России, так что в Риге он продолжил школьное образование в Ломоносовской гимназии, по окончании которой – по стопам отца – поступил на юридический факультет Рижского университета (1931).

В эти годы Чиннов уже не только сочиняет стихи, но и приобретает ценителей своего таланта. Среди них – поэт Георгий Иванов, участник как 1-го, так и 2-го дореволюционных «Цехов поэтов», представитель поэзии Серебряного века, чей дар расцвёл в иммиграции: после отъезда из России в 1922 г. Иванов делит звание «первого поэта» с Владиславом Ходасевичем.

*... из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное
создам.¹*

В 1930 г. Георгий Иванов с женой Ириной Одоевцевой, любимой ученицей Николая Гумилева (и не только ученицей: «Вот что мне говорила (в большом подпитии, за водочкой с огурчиком) Ирина Густавовна Одоевцева: суровой зимой она лишилась невинности в сугробе Летнего сада *при сотрудничестве* с Николаем Степановичем Гумилёвым...»²), приезжают из Парижа в Ригу. Тесть Иванова, известный в Петербурге до революции присяжный поверенный Густав Трауготович Гейнике, вовремя сбежал в буржуазную Латвию от красного террора и успешно вёл в Риге адвокатскую практику. В дорогом рижском районе у него был огромный дом, в котором и остановились супруги.

В те годы в Риге существовало содружество пишущих по-русски молодых литераторов «На струге слов» (местные острословы переименовали в «ослов»). Они издавали небольшой литературно-критический журнал «Мансарда» и проводили литературные журфиксы. На один из таких вечеров был торжественно приглашён Георгий Иванов. «Мансарда» попалась ему на глаза, он бегло прочитал опубликованную в журнале статью Чиннова, и заметил: «Это каша. Но это творческая каша. Пусть он ко мне зайдёт».

Чиннова в тот день в Риге не было. Просьбу Иванова ему передали, и он «зашёл», не представляя, конечно, насколько судьбоносной окажется для него эта встреча. Прежде всего, благодаря Иванову статьи и стихотворения Чиннова попадают в парижский

¹ Из стихотворения Осипа Мандельштама, NOTRE DAME.

² Д. Бобышев, Я в нетях. Человекотекст. Книга 3, стр.247. Ж-л «Семь искусств», Ганновер, апрель 2014.

журнал «Числа» («...начиная с 6-й книги «Чисел» по 10-ю, я там и представлял, единолично, «русскую литературную Ригу»¹).

Чиннов получил от Иванова рекомендацию, кроме «Чисел», в ещё более репутационный литературный журнал «Современные записки». От второй рекомендации Чиннов отказывается. Вот как он сам это комментирует: «В “Современных записках” меня нет. Меня туда рекомендовал сам Георгий Иванов: “Ему двадцать один год. Он очень талантлив, и, читая его стихи, я испытываю такой же шок, как от настоящей поэзии, как в своё время от стихов Поплавского”. Это я цитирую наизусть... И вот Георгий Иванов меня рекомендовал в “Числа”, и это прошло, а в “Современные записки” не потому, что я воспротивился. Я написал письмо: “...к сожалению, вынужден отказаться, временно, в надежде, что у меня будут стихи получше”. Ну, действительно, тогда я бы выступил со стихами, мало кого интересовавшими... Я всегда отличался некоторой трезвостью взгляда на жизнь».²

Удивительные были люди. Трудно представить, чтобы в наши дни 21-летний поэт отказался от публикации своей нетленки по одной причине: стихотворения не настолько хороши, чтобы они появились в известных журналах. На публикацию в stih.ru он бы ещё согласился, однако в столичные «толстые» – только через его труп. Оправдываясь, что пока ещё для такой публикации не созрел.

Можете себе вообразить? Это были странные, с сегодняшней точки зрения, литераторы. В эссе о Иване Елагине, ещё одном ярком поэте второй эмигрантской волны, наряду с Чинновым, я приводил один поразивший меня пример: «Художник и поэт Сергей Бонгарт, боготворивший Елагина, оформлявший обложки его книг, не издал при жизни ни одного своего сборника... Узнав о том, что неизлечимо болен, Бонгарт составляет свои стихи в сборник избранного и летит на консультацию по этому вопросу из Калифорнии в далекий Нью-Йорк, к Ольге Анстей (поэтесса, первая жена Елагина – Г.К.). Они оба – онкологические больные, доживают, зная об этом, последние месяцы на белом свете... Бонгарт ожидал от Анстей всего лишь дружеского участия, возможно, некоей редактуры сборника, профессиональной поддержки, поэтического напутствия, благословения. Казалось бы, дай исполниться последнему желанию и прощальной мечте близкого человека, которого ты знаешь десятилетиями, с которым вы, друзья, прошли «и Крым, и рым». Ну что тебе стоит?! Но искусство – превыше всего. Ольга отговаривает умирающего Бонгарта от издания книги, со

¹ Собрание сочинений: Игорь Чиннов. В 2 томах. Т. 2.

² М. Шраер, «Игрушка»: записки об Игоре Чиннове. Ж-л «Дружба народов», №11, 1999. <http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/11/shraer-pr.html>

знанием дела ответственно сообщив, что он пока не готов для такого серьёзного шага».¹

На это поколение выпало всё самое скверное: войны, эпидемии, доносы, аресты, репрессии, лагеря, геноцид, массовые казни, голод, эвакуация, беженство, нищета. Родиться в 1909 г. в регионе, именовавшемся после пролетарской революции «Лимитроф» – врагу не пожелаешь. Это при том, что в 30-е годы Латвия – никак не Украина с Голодомором и не сталинский культ в советских республиках.

Как такие люди выживали в условиях, когда собственное достоинство, самобытность, самостоятельность мышления, когда одно твоё слово или неверная фраза могли стать приговором? А ведь впереди у Чиннова ещё гитлеровская оккупация, рабский труд в нацистской Германии, послевоенный страх возвращения в ГУЛАГ, нищенское существование в послевоенной Европе, эмиграция в Америку... Любое неосторожное замечание – и ты преступник. Как быть поэтом в таких условиях, оставаться поэтом и не онеметь при этом, и не оглохнуть?

«В Риге в сорок четвертом году я имел неосторожность сказать, в очень узком кругу, что Гитлеру не победить в этой войне. И через три дня ко мне явилась милая компания. Два таких оберштумфюрера. Они мне сообщили, что передо мной выбор: или я еду в Германию на принудительные работы, или жизнь моя окончится весьма печально. Я, конечно, выбрал тот вариант, который не грозил мне немедленной утратой земного существования. И меня с большой группой латышей увезли в лагерь в Рейнской области».²

Нейтронная бомба не тронет меня.
– Не тронь меня, бомба, – я тихо скажу.
Мой Ангел стоит, от печали храня.
К тому же я занят: я рыбу ужу.

Так и выживали, цена слово больше жизни и выше признания в литературе, не идя на компромиссы ни с совестью, ни с веком-волкодавом.

И выучиться у природы / Её безразличью к судьбе.³

Чиннов, хотя не раз брался за воспоминания, не так уж много о себе рассказал, но совсем ничего – о том, как ему удалось выжить в Латвии, с июля 1940 г. оккупированной Красной Армией. В условиях репрессий, когда были депортированы от 15 до 25 тысяч представителей

¹ Г. Кацов, Curriculum Vitae, или Судьба «Ди-Пи» человека. Ж-л «Октябрь», №7, 2018. <http://magazines.russ.ru/october/2018/7/curriculum-vitae-ili-sudba-di-pi-cheloveka.html>

² С.Ковальчук, «И мелкий щебень радостей и бед...» (О поэте Игоре Чиннове). Берега: сборник о русском зарубежье. Спб., 2009. Вып. 11-12.

³ Из стихотворения Георгия Адамовича «Как холодно в поле, как голо...».

интеллектуальной элиты, интеллигенции, работников разных профессий, включая тех, кто служил в правоохранительной системе.

Сжато эти годы законспектированы в авторском предисловии к двухтомному собранию сочинений, в начале второго тома: «...Первая служба (очевидно, в Советской Латвии – Г. К) – в ТАСС, в латвийском его отделе ЛТА (Лета). Затем – фармацевтическая фирма Мэдфро (MEDFRO), откуда меня и угнали на работу в Германию, в Рейнскую область. Месяцев десять весьма безрадостных, хотя с возможностью читать (конечно, только немецкие книги, но включая Шиллера и Гёте). И вдруг – освобождение, и американцы берут всех желающих насельников лагеря во Францию! Месяцы праздной жизни – Люневиль, Нанси, Реймс – и наконец я в Париже».

«...В Париже было безденежно, но прекрасно. Я любовался, восхищался городом, наслаждался встречами с русской литературой. Чудеса! Уже через три недели по приезде я читал своё стихотворение (написанное за ночь перед тем) на вечере памяти Пушкина в русской консерватории, под портретами Шаляпина и Рахманинова. Сидели за столом Бунин, великолепный, Ремизов, хитрющий умница, затем Сергей Маковский, редактор знаменитого «Аполлона» очень «Ваше превосходительство», – и друзья и ученики Гумилёва Георгий Адамович, Георгий Иванов – почти весь синклит! А в зале был литературный и художественный русский Париж...»¹

Один из главных вопросов: миропорядок покровительствует человеческой радости, или же он ей враждебен? Для историка и шамана процесс разгадки становится профессией, для обывателя это, скорее, вопрос веры, а для поэта – решение эстетической задачи, которое отнимает всю жизнь. Поэта Игоря Чиннова близкое окружение называло «Игрушкой» – и как производное от имени Игорь, и как «игрушка в руках музы и судьбы», в отношениях с которыми он был, как ни странно, равно трагичен, весел и остроумен. «Игрушка – мэтр в поэзии», – писал о нём Георгий Адамович поэту Александру Гингеру.

Действительно, в послевоенный Париж Чиннов прибыл не только состоявшимся мастером, но и уважаемым, признанным поэтом. Публикации в «Числах», ко времени появления Чиннова в Париже уже почивших в бозе, подробно ознакомили «синклит» с его творчеством, как поэтическим, так и литературоведческим. При этом сборника стихов всё ещё не было. Чиннов словно следовал рекомендации старшего брата Иннокентия Анненского, Николая Федоровича Анненского, «до тридцати ничего не печатать».

Но вот уже и тридцать исполнилось, и тридцать пять. Первый сборник «Монолог» выходит в 1950 г., в канун 41-летия Игоря Чиннова. В беседе с Джоном Гледом, записанной в 1991-м, сказано следующее:

¹ Собрание сочинений: Игорь Чиннов. В 2 томах. Т. 2.

«... мои стихи, довоенные, собственно значения не имеют... “Числа” издавал ученик Гумилева Николай Оцуп, тоже член “Цеха поэтов”. Оттуда, так сказать, и идёт мой творческий путь... Но только с первой моей книги начался, если угодно, *настоящий* Чиннов».¹

Именно благодаря ей Чиннова до сих пор причисляют к «парижской ноте», в которую он с этим сборником поступил, но из которой неспешно, но уверенно вышел в своих последующих книгах.

«Парижская нота» была реакцией на тотальный культурный кризис 1930-х годов и надвигающуюся политическую катастрофу в Европе. Это была заявка на философское постижение поэтики, на философию поэзии, в которой «парижская нота» позиционировалась, как последнее поэтическое течение накануне всеобщего краха. Это направление закрывает, естественно, все предыдущие, подводит некий итог, оттого «в поэзии надо помнить, что о многом следует забыть, – писал Адамович. – Надо поэзию подморозить, чтобы она не сгнила».²

Никаких излишеств, украшательств, многословия. Ноль аффектов, эмоций, то есть всего того, что не противоречит формуле Хармса «стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьётся». Только спокойствие, взвешенность в любой обстановке по известной максиме «осуди грех и прости грешника».

Единственное, о чём имеет смысл в поэзии говорить – о самом главном, исходном, объединяющем. Поэтому надо писать в стихотворной строке «дерево», а не тополь или ясень; «птица» – не вдаваясь в орнитологические детали; «свет» и «цвет» – не останавливаясь на таких подробностях, как цвета радуги. Скупые мазки, лаконизм аскета, чёткость почерка и точность реестра, описывающего предметы Универсума накануне исчезновения всего и вся.

Поэт и исследователь творчества Чиннова Игорь Большев, определяет «парижскую ноту» как философию «поэзии ледникового периода в культуре. На Западе реакцией на этот период был так называемый “европейский стоицизм” (Элиот, Оден, Бенн), у нас – парижская нота».³ Основные философские принципы этой поэзии Большев сформулировал так: 1) поэтический монотеизм, 2) самоконтроль и внутренний аскетизм, 3) самоценность звука, 4) поэтическая честность, ответственность за свои стихи.

Здесь можно добавить, что занять лидирующее место в спорах о назначении поэзии «нота» смогла именно в условиях «русской

¹ Дж. Глэд, Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. Интервью с Игорем Чинновым.

² Г. Адамович, Невозможность поэзии. Стр. 16. М.-Берлин. Из-во «Директ-Медиа». 2016.

³ И. Большев, Творческий путь Игоря Чиннова. М. 1999.

<https://www.dissercat.com/content/tvorcheskii-put-igorya-chinnova>

иммиграции», которая, по словам Адамовича, была «метафизической удачей».

Это означает только то, что в обстановке полной изоляции от культурной и общественно-политической жизни родной страны, оказавшись за её рубежами и вне русского массового читателя, поэты остались наедине с мироустройством и острее всех почувствовали, каковы предопределение Поэта и опасность глобального кризиса культуры. «Метафизическая удача» – это приз в творческой судьбе поэта-иммигранта, как в обыденной жизни выигрышем и спасением была эмиграция из сталинского Советского Союза.

В знаменитом противостоянии двух мэтров – Георгия Адамовича и Владислава Ходасевича, за чем много лет подряд следили все, имеющие отношение к культуре первой волны иммиграции, и воспринимавшие их полемику, как центральное литературное событие нескольких десятилетий, «школу Ходасевича» (классицизм, Пушкин, сохранение русского языка и поэтическая грамотность) победила «парижская нота» Адамовича. Что, в итоге, признал с горечью Ходасевич.

Высочайшим идеалом для Адамовича стал Иннокентий Анненский. Основная тональность была обозначена Анненским в его первой поэтической книге «Тихие песни». Звучной громкости, балаганности, ярким символам, имажинизму и футуризму, форте многих стихотворений, написанных на рубеже XIX–XX веков, Анненский противопоставил пианиссимо речитатива, тональность интима, ненавязчивости, глубокой задумчивости. Эту «подлинную ноту» одного из ведущих поэтов Серебряного века и подхватили, уже как «парижскую», поэты круга Г. Адамовича – Штейгер, Червинская, Терапиано, Довид Кнут, Юрий Мандельштам, Иваск, Чиннов. Общепризнано огромное влияние на этих авторов поэзии Георгия Иванова.

Провозглашенное в 1930-е единство *melos* и *logos* (звучания-мелопеи и смысла-логопеи) взяло вверх в Париже, распространившись «парижской нотой», как единственно верным философско-поэтическим учением, в иммигрантской среде 1940-х.

Потомись ещё немножко / В этой скуке кружевной¹

Чиннов по праву говорил, что является «последним поэтом парижской ноты». Он не только был моложе тех, кто её собой с конца 1920-х представлял, но и вошёл в неё последним, в конце войны, когда «нота» ещё звучала, но всё тише и тише. Явление Чиннова в Париже было для лидера группы Адамовича и благой вестью, и неоценимым подарком. Точный лирик, изысканный стилист, безупречный

¹ Начало стихотворения Ирины Одоевцевой.

версификатор со спартанской дисциплиной поэтических тропов и ясностью мысли – о таком молодом и европейски образованном поэте дворянских кровей можно было только мечтать.

Представляется, что знание Чинновым четырёх языков, отмечаемая многими начитанность, поразительная эрудиция, прекрасно поставленная речь сыграли немалую роль в короновании его на место первого поэта иммиграции. Надо отметить, что здесь Адамович наступил, что называется, на горло собственной песне, поскольку интеллектуалом, публицистом и оратором был отнюдь не последним.

Складывается впечатление, что Чиннов не совсем учитывал субординацию, нарушая тем самым правила игры. 37-летний человек во всём хотел себя проявить, высоким слогом обо всем иметь суждение и доказывать себя по любому поводу (провинция-с рижская!). Но и через 20 лет тот же Адамович назовёт Чиннова «редким, тончайшим мастером», а Ирина Одоевцева – «одним из любимейших поэтов» иммиграции.

Первые восторги по поводу внимающего стихам синклита скоро переходят в раздражённое понимание того, что «счастья нет и выше». Мэтры-небожители, как в полночь Золушка вместе с каретой и экипажем, приобретают вполне человеческие черты: «Адамович завидовал Иванову, его таланту, его большому голосу, лёгкости, с которой тот писал стихи. [Но] Георгий Иванов завидовал уму Адамовича. Адамович был конечно умнее, хотя не был начитан. Заметьте, эти люди мало читали. Это вам не Дмитрий Сергеевич [Мережковский], ни даже Ходасевич Владислав Фелицианович...»¹.

Наряду с ехидным наблюдением: «...когда в Париже эмигрантские поэты собирались и спорили в кафе, прохожие спрашивали: “Что это за старые евреи?” И получали ответ: “Это молодые русские поэты”», – Чиннов не забывает отмечать, что «Куприн и Шмелёв к по-настоящему культурным людям относиться не могли... Бунин был, конечно, малокультурный... не совсем стерва был Борис Константинович Зайцев, но тоже, как сказала о Георгии Федотове Зинаида Гиппиус, “подколотный ангел”». Конечно, кроме брюзжания молодого одинокого гения, была масса иных впечатлений – Чиннов отлично понимает, в круг каких людей он попал, прекрасно оценивая и Адамовича, и Вейдле, и многих других («Были очень культурные люди: Бердяев, Шестов, Франк, Булгаков...»).

В итоге, получив в 1953 г. от Владимира Вейдле, ставшего директором программ, приглашение на работу в Мюнхен на радио «Освобождение» (позже переименованного в радио «Свобода»), Чиннов без видимого сожаления переезжает в Германию, став радиоведущим программ по культуре на ближайшие девять лет. А от «парижской

¹ М. Шраер, «Игрушка»: записки об Игоре Чиннове.

ноты» осталось, в сумме, такое его синкретическое воспоминание: «Парижская Нота означала вот что. Она родилась как невозможность для Георгия Викторовича [Адамовича] писать хорошие стихи. Название, кажется, придуманное Юрием Константиновичем Терапиано [название было предложено Борисом Поплавским]. Означает оно вот что: отказ от украшательства, отказ от эффектов, сосредоточенность на самом главном, самом важном, незаменимом».¹

Интересно, что замечание об Адамовиче, о его невозможности писать иначе, эхом отозвалось в высказывании современного московского поэта-концептуалиста Михаила Сухотина о качестве текстов, и концептуалистских в том числе: «По поводу учения о “невозможности прямого высказывания” вспоминаю совсем недавний ещё, февральский разговор с только что ушедшим из этой жизни Всеволодом Некрасовым: “Они сами так не умеют, но им мало: они хотят, чтобы и другие не могли!”».²

В 1962 г., благодаря давнему другу, поэту Юрию Иваску, Игорь Чиннов получает приглашение на преподавательскую должность в Канзасском университете. За два года до этого, в 1960 г., вышла в свет его вторая книга «Линии», в которой он подвёл итог своих взаимоотношений с «парижской нотой». Он уезжает в США известным поэтом. Впереди – 15 лет преподавательской работы, заслуженная пенсия и наполненная поэтическим творчеством старость во флоридском городке Дайтона-Бич, с путешествиями, периодически, по всему миру.

*И юношей высокий сонм / Меня, как боевое знамя, / Подымет
ввысь...³*

«В Канзасском университете я пробыл шесть лет, потом был Питтсбург, затем Вандербилт в Нашвилле. А со стихами и лекциями побывал в сорока университетах, на двадцати съездах славистов... Я жил девять лет во Франции – и французом не стал. Около семи лет – в Германии. А немцем тоже не стал. Теперь у меня американское гражданство. Но я русский эмигрант».⁴

Как тут не вспомнить известное набоковское: «Я американский писатель, рождённый в России... Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце – по-русски, и моё ухо – по-французски...». Есть, кстати, ещё одно значимое высказывание Набокова в этом ключе, хотя его мало цитируют: «Моя личная трагедия, которая не может, которая

¹ М. Шраер, «Игрушка»: записки об Игоре Чиннове.

² М. Сухотин, 20 лет «Эпсилон-салону».
<http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/20leteps.html>

³ Из стихотворения Ю. Иваска «Из гроба вышедший мертвец...».

⁴ Собрание сочинений: Игорь Чиннов. В 2 томах. Т. 2.

не должна быть чьей-либо ещё заботой, состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского».¹

До такой трагедии Чиннов свою судьбу не доводит: всю жизнь он пишет стихотворения исключительно по-русски, позволяя себе расслабляться по-английски, немецки и французски в письмах и состоя в эпистолярных отношениях со множеством коллег по писательскому цеху в Америке и Европе. В 1980-х годах он находит адресатов и в России.

В Америке Чиннов уверенно следует в культурологическом «русском дискурсе», расширяя свои поэтические пределы. Уже со второй своей книги Чиннов прощается с догмами «парижской ноты» окончательно, и переходит, основным массивом текстов оставаясь в силлабо-тонике, к верлибру, к задействованию фольклорных элементов, уходя в алогизмы, рифмовку внутри строки и далеко в сторону от конвенциональной поэтической строфики.

Надо не забывать, что Чиннов свободно писал и читал на основных европейских языках и был в курсе самых разных поэтических направлений. При этом в текстах практически нет англицизмов – Чиннов заботится о чистоте русского языка, и если его развивает, то в сторону неологизмов, с интертекстуальной референцией к знаковым пратекстам русской литературы, использованием фольклорных выражений и просторечия. Всё это – на фоне главных тем его поэзии (сомнения по поводу человеческой воли, свободы выбора, приметы и знаки смерти, следы тления в безразличном к живому мирозданию) – с ориентацией, в большой степени, на западноевропейское барокко и барочное представление о смерти, о сиюминутности земных благ: «Ну, помечтай, что и мы удостоимся / Пышной гробницы не хуже Камознса! / (Или – другая, непышная версия: / Много забвения, мало бессмертия?)».

В начале 1990-х распался СССР. Стихотворения Чиннова выходят на родине, в Латвии. Ольга Кузнецова, знаток поэзии Чиннова, составитель его двухтомника, добивается большой публикации в читаемом всеми тогда «Огоньке». Сообщает Чиннову во Флориду о том, что теперь его в России, о чём он и мечтал, знают. Он отвечает ей по телефону: «Спасибо, душенька, но всё поздно. Мне даже некому показать эту публикацию, чтобы за меня порадовались. Все умерли».

Горькая правда, но, мне кажется, Чиннов немного лукавил. Его мечта поэта-эмигранта реализовалась, пройдя путь от скептического «В Россию – ветром – строчки занесёт... / Эх, эмигрантские поэты! / Не ветром, а песком нас – занесёт» до реализовавшегося «А вот стихи –

¹ В. Набоков. О Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.

дойдут, стихи – дойдут!». Чиннов считал, что по напору эта его сентенция сильнее, чем известные строчки Георгия Иванова «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть, вернуться в Россию стихами».

Свои стихи последних десятилетий Игорь Чиннов называл «гротесками». Точно найденное имя его поэзии, построенной на контрастах, когда земной и потусторонний Ад(ы) вызывают естественный ужас, но и сопровождаются язвительными сатирическими комментариями. В этом Чиннов очень современен, актуален нашему третьему тысячелетию и нынешним лучшим поэтам, пишущим по-русски. Он был в курсе того, какие течения существуют в России, живо интересовался поэтами, чьи имена были на слуху, а в одном отдельном случае даже «...имя примерял к себе..., с шутливым удовольствием называясь: “Бахыт Чиннов!”».¹

Сейчас поймал себя на мысли, что подходя к концу этих заметок, не могу заставить себя написать о кончине Игоря Чиннова. Сошлюсь на некролог в парижской «Русской мысли» (№ 4128 от 30.05–05.06., 1996): «21 мая 1996 года пополудни в Дейтон–Бич (Флорида, США) после тяжёлой болезни скончался известный поэт русского зарубежья Игорь Владимирович Чиннов. О чём извещают друзья и коллеги покойного. Он будет похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве».

«Русская мысль» оповестила. Читатель принял к сведению. А Игорь Чиннов, может быть, продолжает где-то писать стихи, занимаясь любимым своим и не знающим смерти делом – русской поэзией. Не на это ли он намекал, не собираясь с Землёй расставаться:

«Руководство для свежеумерших». Обложка
в семь цветов и недорого. Всё же
я не купил. К чему опережать события? И может,
пожалуй, устареть. Ведь в наши дни
так быстро всё меняется. К тому же
я, может быть, бессмертен. Так зачем
выбрасывать на ветер деньги?

17-21 мая 2019 года, Нью-Йорк

¹ Дм. Бобышев, Новый дом русских поэтов. Персональный сайт Дм. Бобышева.